

УДК 821.111(73)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «АНГЛИЙСКИЙ ЧУДАК» В ПЬЕСЕ Т. СТОППАРДА «АРКАДИЯ»

Бондаренко Л. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: vol6662007@rambler.ru*

Лингвокультурный типаж «английский чудака» находит новую реализацию в современных авторских художественных текстах в образах чудаков-интеллектуалов

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, английский чудака, игровой абсурд, нонсенс

Постановка проблемы. Творчество Тома Стоппарда занимает особое место в современной английской драматургии и западноевропейской художественной литературе. Его произведения отличаются тонким интеллектуальным юмором, детализацией, смысловой открытостью и художественным своеобразием, что привлекает внимание не только литературоведов, но и представителей новых областей лингвистического знания – лингвокультурологии, лингвоконцептологии и лингвоперсонологии, в рамках которых определяется понятие «лингвокультурный типаж». Такая междисциплинарная направленность определяет актуальность данного исследования, целью которого является выявить особенности лингвокультурного типа «английский чудака» в пьесах Т. Стоппарда.

Будучи междисциплинарным понятием, «лингвокультурный типаж» имеет отношение к ключевым проблемам и понятиям лингвокультурологии и лингвоперсонологии. Наиболее значимой проблемой лингвокультурологии является соотношение универсального и специфического в лингвокультуре. «Лингвокультурный типаж» как понятие лингвоперсонологии соотносится с привычными понятиями литературоведения «персонаж», «роль», «стереотип», «речевой портрет», что позволяет проанализировать его особенности на материале художественных текстов, пользуясь традиционными и новыми методами литературоведческих исследований.

В рамках лингвокультурного концепта «английский чудака» рассматриваются персонажи, ведущие себя странно, эксцентрично, не следующие общепринятым правилам, но не нарушающие закон, не приносящие вреда обществу. Феномен чудака отражается как в фольклоре, так и в авторских художественных текстах, что представляет интерес для данного исследования. Причиной эксцентричного поведения часто бывает протест против жесткой упорядоченности жизни. Чудаков считают большими детьми, увлеченными своей игрой и не причиняющими вреда остальным людям. Чудаки – далеко не глупцы. Увлеченность своим занятием, каким бы странным оно не казалось окружающим, наполняет жизнь чудаков смыслом и делает их счастливыми, а насмешливое отношение к окружающим и себе самому помогает переживать сложные ситуации и справляться с трудностями.

Поскольку объектом настоящего исследования являются драматические тексты, интерес вызывают вопросы, связанные с личностью человека в языке, с позиций лингвоперсонологии. Объектом исследования в этой области знания выступает человек говорящий. Изучение языковой личности было впервые обосновано Ю. Н. Карауловым в 1987 году [1]. В дальнейшем фокус интереса лингвистов сместился с характеристик речи на личность субъекта, то есть «речевой портрет», например речевой портрет «русского интеллигента» или «английского чудака».

В зависимости от критериев, разработанных психологами, философами, психолингвистами, выделяют различные типы языковой личности. В литературоведении используются понятия «герой», «персонаж», «тип» для определения действующих лиц художественного произведения. Герой является центральной фигурой произведения, неординарной, обычно высокого происхождения, в то время как тип воплощает характеристики простого человека. По М. Бахтину, «тип – пассивная позиция коллективной личности» [2, с. 35]. Согласно концепции Н. Фрая, можно выделить пять типов героев, самые низкие из которых – герои миметического и иронического модусов [2]. Чудак как персонаж художественного произведения по своей сути может относиться либо к героям миметического модуса, либо к героям иронического модуса.

У англичан особое отношение к чудакам как в художественном, так и в реальном мире [3, 4]. Дж. Оруэл утверждает, что высшими ценностями англичан являются свобода, верность традициям и увлеченность игрой. Советский журналист В.В. Овчинников отмечает, что «Английский эксцентрик платит неизбежную дань общественному порядку, но в рамках его делает, что ему заблагорассудится. Таким образом, человек, который не хочет поступать как все, в условиях английского общества, чаще становится чудаком, чем ниспровергателем основ» [5].

Подробная характеристика английского менталитета дана в монографии И. А. Стернина, Т. В. Лариной и М. А. Стериной «Очерк английского коммуникативного поведения» [6]. По мнению авторов к числу доминант английского характера относятся умеренность, сдержанность, консерватизм в общественной жизни, законопослушность, «честная игра», вежливость, обходительность, готовность «принять вызов», спортивность, чувство английского превосходства, патриотизм и национальная гордость, отсутствие интереса к другим народам и странам и др. К доминантным чертам английского коммуникативного поведения отнесены некатегоричность, антиконфликтная ориентация общения, нелюбовь к спорам, эмоциональная сдержанность, невысокая громкость общения, немногословие, высокий уровень самоконтроля в общении, бытовая вежливость, коммуникативный оптимизм и др [6, с. 56].

Американский ученый Джеффри Горер исследовал современный английский характер с позиций социологии, уделяя особое внимание проблеме агрессивности во всех ее проявлениях – склонности к ссорам, зависти, жестокости, раздражительности и др. Ведь англичане в 20 веке – это цивилизованный миролюбивый и вежливый народ, в то время как в 17-18 веках лондонцы отличались крайней жестокостью и грубостью. Горер пришел к выводу, что агрессивность никуда не ушла, но стала сильнее контролироваться. Важным каналом снятия агрессии является спорт, внешним ее ограничителем выступает закон, существенным выходом этого качества яв-

ляется юмор, часто на грани с насмешкой. Англичанам свойственна насмешка над собой – self-deprecation, качество, которое почти совсем не могут понять иностранцы [7, с. 287 – 290]. Будучи реалистами до мозга костей, англичане любят абсурд в виде нонсенса.

Абсурд есть осознание нелепости, отсутствия смысла там, где смысл должен быть. В.И. Карасик выделяет несколько видов абсурда, в зависимости от типа восприятия реальности личностью [8]. Наибольший интерес в рамках данного исследования представляет «игровой абсурд». По Карасику, это «упражнение в интеллектуальной гибкости, как мягкая насмешка над привычным и скучным положением дел, над здравым смыслом [8, с. 15]». Под сомнение ставится само существование здравого смысла как такового. Игровой абсурд присутствует в произведениях многих английских драматургов, таких как Б. Шоу, Г. Пинтер, Т. Стоппард.

В стиле игрового абсурда написано большинство пьес современного английского драматурга и сценариста Т. Стоппарда. Среди наиболее известных – «Розенкранц и Гильденстерн мертвы», «Аркадия», «Изобретение любви», «Настоящее», «Прыгуны», «Утопия». В «Аркадии» атмосфера абсурда задается уже в первой сцене пьесы, в диалоге юной Томасины и ее учителя, настоящего английского чудака Септимуса. Речь идет о карнальном объятии: «Thomasina: Septimus, what is carnal embrace? Septimus: Carnal embrace is the practice of throwing one's arms around a side of beef [9, с.2]». Тринадцатилетняя девочка с непосредственностью подростка спрашивает у своего учителя: «Септимус, что такое карнальное объятие?» На что тот отвечает с определенной степенью иронии английского чудака-интеллектуала: «Карнальное объятие это обхватывание руками коровьей туши» (здесь и далее перевод наш – Л. Б.). Эти две короткие реплики задают иронический тон дальнейшего диалога, в ходе которого развивается тема «карнального объятия»: “Thomasina: Is that all? Septimus: No... a shoulder of mutton, a haunch of venison, well hugged, an embrace of grouse...caro, carnis; feminine; flesh [9, с. 2]”. Томасину интересует более широкий смысл слова «карнальное». Септимус поясняет: «...это еще лопатка барашка, оленья ляжка, объятие куропатки ... caro, carnis; женское; плоть». В основе иронической игры слов лежит значение слова «карнальное», что означает «плотское» и употребляется осуждающе по отношению к плотским утехам. Именно об этом и пытается спросить у Септимуса Томасина. Однако, учитель, избегая прямого ответа, поясняет смысл прилагательного «карнальное», исходя из латинской этимологии этого слова. Кроме того, серьезный тон и научность пояснений учителя явно не соответствуют его отношению к предмету разговора, что создает ситуацию игрового абсурда.

По этому поводу В. И. Карасик отмечает, что говоря об игровом абсурде» более уместным представляется понятие «нонсенс» [9, с. 114], так как «нонсенс осознается как невозможное в позитивном, веселом ключе, абсурд – как невозможное в негативной, минорной тональности [9, с. 114]». Юмор нонсенса отличается от ситуативного юмора тем, что в первом случае мы заранее знаем – так быть не может, а во втором – допускаем реальность того, о чем идет речь. Юмор нонсенса часто имеет фольклорную основу. Так в поговорках о невозможности говорят: «когда рак на горе свиснет», «when pigs fly». В современной литературе юмор нонсенса развивается

в лимериках и многочисленных шуточных произведениях подобного типа, а также часто встречается в интеллектуальных жанрах, к которым относятся пьесы Т. Стоппарда, принимая форму игры слов и смыслов. Н. М. Демурова отмечает, что «нонсенс как таковой – это веселый и детский по своей сути протест против скучной действительности [10, с. 12]». Нонсенс представляет собой игру с прописными истинами и традициями. Наверное, есть нечто в английском характере, как справедливо замечает Н. М. Демурова, что «как бы подталкивает к подобной игре – игре звуками и словами, объектами и субъектами действия, логическими и всякими прочими связями [10, с. 3]».

По этому поводу вернемся к первой сцене «Аркадии» Стоппарда: неожиданно открывается дверь и в комнату в гневе врывается мистер Четер. Септимус отсылает Томасину и Четер вызывает Септимуса на дуэль за то, что тот совратил его жену в садовом домике: «You insulted my wife in the gazebo yesterday evening!» – «Вчера вечером в садовом домике вы оскорбили мою жену», заявляет Четер. На что Септимус с присущей чудаку невинностью отвечает: «You are mistaken. I made love to your wife in the gazebo. She asked me to meet her there, I have a note somewhere, I dare say I could find it for you, and if someone is putting it about that I did not turn up, by God, sir, it is a slander [9, с. 8]». – «Вы ошибаетесь. Я занимался любовью с вашей женой в садовом домике. Она попросила меня о встрече, у меня даже записка ее где-то имеется. Осмелюсь сказать, что я мог бы даже поискать ее специально для вас. А если кто-то утверждает, что я не откликнулся на просьбу вашей супруги и не пришел, Бог свидетель, сэр, это настоящая клевета». Двадцати-двух летний Септимус Ходж по-детски невинно и дерзко насмехается над недалеким, но амбициозным и тщеславным Эзрой Четером, для которого, как это выясняется из дальнейшего диалога, важнее защитить репутацию жены, чем ее честь. Септимуса забавляет глупость и явная беспомощность Четера, который в порыве гнева вызывает на дуэль молодого соперника: «I demand satisfaction! [9, с. 9]». – «Я требую удовлетворения!» Ситуация накаляется до предела. Четер решительно настроен и готов отомстить за оскорбление жены и свое собственное, но ответная реплика Септимуса мгновенно нивелирует напряжение, демонстрируя комичность положения Четера: “Mrs Chater demanded satisfaction and now you are demanding satisfaction. I cannot spend my time day and night satisfying the demands of the Chater family... [9, с. 9]. – «Позвольте, миссис Четер требовала удовлетворения, теперь вы требуете удовлетворения. Я не могу заниматься днем и ночью только тем, что удовлетворять семью Четеров...». Игра в нонсенс построена на многозначности значения слова “satisfaction”: с одной стороны имеется в виду «удовлетворение» - вызов на дуэль, что вполне серьезно и даже опасно, с другой – удовлетворение сексуальное. Таким образом возникает игра нонсенса, основанная на юморе и иронии ситуации, она инициируется чудаком Септимусом, адресуется зрителю и абсолютно не понимается собеседником Четером.

Итак, английский нонсенс органически вытекает из английского видения мира, в основе которого лежит способность весело с юмором смотреть на жизнь, на недостатки других и свои собственные, умение смеяться над собой, а также протест против «взрослого Порядка, в котором нет смысла».

Выводы и перспектива. Таким образом, лингвокультурный типаж «английский чудака» проявляется в современных художественных текстах преимущественно в лице чудаков-интеллектуалов, сочетающих в себе традиционные и новые, характерные для эпохи постмодернизма черты «английского характера». В данной статье определены основные направления комплексного исследования лингвокультурного концепта «английский чудака» в современной английской художественной литературе.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 200 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 15- с.
3. Оруэл Дж. Англичане / Джордж Оруэл // Эссе, статьи, рецензии. – Пермь : КАПИК, 1992 – С. 24 – 67
4. Пристли Дж. Б. Заметки на полях: Художественная публицистика / Дж. Б. Пристли [пер. с англ.] – М. : Прогресс, 1988. – 340 с.
5. Овчинников В. В. Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах / В. В. Овчинников. – М. : Прогресс, 1979. – <http://vivosvoco>
6. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2003. – 300 с.
7. Gorer G. Exploring English Character / G. Gorer. – NY. : Criterion Books, 1995. – 250 p.
8. Карасик В. И. Типы абсурда / В. И. Карасик // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2003. – 380 с.
9. Stoppard T. Plays : Arcadia. The Real Thing. Night and Day. Indian Ink. Naggood / T. Stoppard. – L. : F & F, 1999. – 593 p.
10. Демурова Н. М. Эдвард Лир и английская поэзия нонсенса / Н. М. Демурова // «Мир вверх тормашками». – М. : Прогресс, 1974. – 240 с.

Бондаренко Л. Лингвокультурный типаж "Английский дивак" в п'єсі Т. Стоппарда "Аркадія" / Л. Бондаренко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2010. – Т. 23 (62), № 3. – С. 281-285.

Лінгвокультурний тип «англійський чудака» знаходе нову реалізацію у сучасних авторських художніх текстах у образах чудаків-інтелектуалів

Ключові слова: лінгвокультурний тип, англійський чудака, ігровий абсурд, нонсенс

Bondarenko L. Linguacultural type “English eccentric” in “Arcadia” by T. Stoppard / L. Bondarenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2010. – Vol. 23 (62), No 3. – P. 281-285.

A lingua-cultural type of “the English Eccentric” finds its realization in contemporary fiction in the characters of “eccentric intellectuals”

Key words: lingua-cultural type, English Eccentric, absurd play, nonsense.

Поступила в редакцію 01.09.2010 г.